

УДК821.221.18

СОДЕРЖАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ПЕРВЫХ ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Хугаев И. С.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Владикавказский научный центр Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия-Алания (362027, г. Владикавказ, ул. Маркуса, 22), e-mail: vncran@yandex.ru

В статье рассматриваются дискуссии по кругу программных вопросов осетинского просвещения, имевшие место в среде осетинской интеллигенции на рубеже XIX и XX веков – обмен мнениями по проблемам письменности, графики и печати, теории осетинского стихосложения, о литературном труде и общественном значении литературы, об исторической миссии образованных осетин. Систематизация и синхронизация разрозненных материалов этих дискуссий позволяет увидеть тонкие процессы становления регулярной осетинской литературной критики и прозябания первых ростков революционной идеологии на осетинской почве и роль Коста Хетагурова в идейно-эстетической борьбе и литературном процессе в Осетии на его начальных стадиях, а также дать им оценку как первой сознательной (печатной) реакции осетинского литературного сознания на промежуточные итоги осетинского просвещения и вызовы грядущей эпохи.

Ключевые слова: дискуссия, просвещение, осетинская русскоязычная литература, литературная критика, письменность, печать, идеология.

THE CONTENT AND IMPORTANCE OF THE FIRST IDEOLOGICAL-AESTHETIC AND PHILOLOGICAL DISCUSSIONS IN THE OSSETIAN LITERATURE

Khugaev I. S.

Federal state budgetary institution of science of the Vladikavkaz scientific center of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania (362027, Vladikavkaz, 22 Marcus Str.), e-mail: vncran@yandex.ru

The abstract (summary): the article deals with the discussion on the range of system issues of the Ossetian education which took place amid the Ossetian intellectuals at the turn of XIX and XX centuries: exchange of views on the problems of the written language, graphics, and printing, the theory of the Ossetian poetry, the literary work and the public significance of the literature, the historical mission of educated Ossetians. Systematization and synchronization of the separate materials of these discussions allows you to see the subtle processes of the formation of regular Ossetian literary criticism and the vegetation of the first sprouts of revolutionary ideology on Ossetian soil and the role of Kosta Khetagurov in the ideological and aesthetic struggle and the literary process in Ossetia at its initial stages, as well as evaluate them as the first conscious (print) reaction of the Ossetian literary consciousness on the intermediate results of the Ossetian education and the challenges of the new epoch.

Key words: discussion, education, Ossetian Russian-speaking literature, literary criticism, written language, printing, ideology.

Осетинская периодическая печать вошла в общественную жизнь только со второй половины 1900-х годов (осетиноязычные газеты и журналы «Ирон газет», «Ног цард», «Афсир» и др.), – этот момент фиксирует зарождение публицистики на осетинском языке. Вся же необходимая методологическая и идеологическая работа в рамках культурного строительства в Осетии осуществлялась в *русскоязычной* периодической печати Кавказа. Таким образом, если нам еще не приходится говорить о критике в строгом смысле слова, то очевидно, что мы имеем дело с первыми *культурологическими* и *филологическими* *дискуссиями* на русском языке по вопросам осетинской литературы и просвещения.

Некоторые критические и полемические публикации относятся ко времени, предшествующему зарождению ОЛ, но в целом проблематика этих дискуссий актуализируется, когда ОЛ стала фактом; тогда же указанные дискуссии приобрели более принципиальный и напряженный характер. Вся указанная литература (к которой относятся и эпистолярные материалы, прежде всего, К. Хетагурова), может быть разделена на три проблемных блока: 1) о письменности (*графике и печати*); 2) об осетинском *стихосложении* и *литературном труде*; 3) об осетинском *просвещении* и *интеллигенции*.

Письменность и раньше была стратегическим вопросом осетинской культуры, но окончательное решение вопрос получил только в российскую эпоху. Как одна из острейших проблем русскоязычной публицистики вопрос осетинской *графики* восходит к первым письменным рецензиям и отзывам образованных осетин на труды А. М. Шегрена и В. Ф. Миллера, в которых дана высокая оценка деятельности русских ученых. Однако судьба «осетинской» кириллицы была не лишена некоторых коллизий; время от времени в печати звучали высказывания, ставящие под сомнение ее оптимальность для осетинского языка (даже после выхода в свет «Осетинских этюдов» Миллера). В заметке 1883 года «Из селения Христиановского» *Осетин А. М.* высказывался в том смысле, что «*не следует писать осетинские книги русскими литерами, ибо это тяжело для чтения*» [5:79], тем самым, безусловно, выражая мнение определенной части соплеменников. Несколько позже вопросы осетинского просвещения и письменности поднял Г. Цаголов в статье «О письменности и книжной литературе в Осетии» («Терские ведомости», 1889, № 69), спровоцировав *Ласина*. Последний в статье «Об осетинской письменности» («Новое обозрение», 1889, № 3954) утверждал, что самым подходящим для осетинского языка является грузинский алфавит. Другой автор под псевдонимом *Микола* опубликовал рассуждение «Еще об осетинском алфавите. Письмо в редакцию» («Новое обозрение», 1895, № 3963), где решительно высказался в пользу латинской графики. Г. Баев в статье «Осетинская письменность» (1896), отвечает Ласину и Миколе: «(...) *вопрос об азбуке поднимать уже не следует; стремиться заменить одну азбуку другою не рационально, даже вредно в интересах самого дела (...) Надо практически воспользоваться уже существующею*» [5:78].

Обстоятельная работа *Саукудза* «Кое-что о письменности среди осетин и других горцев Кавказа» («Казбек», 1903, №№ 1531-1534) лишена четко оформленной позиции, но очевидно, что автор не хотел закрывать вопрос. Саукудз делает краткий экскурс в историю вопроса, указывает «осетинскую» кириллицу Шегрена и грузинский алфавит Розена (изучавшего южно-осетинский говор) как *альтернативы*, и говорит о Миллеровых мотивах предпочтения русского алфавита латинскому: «(...) *во-первых, азбука, составленная из русской, уже существует у осетин около четырех десятилетий, (...) во-вторых, этой*

азбукой напечатан ряд осетинских книг духовных и учебных, и, в третьих, в типографском отношении она представляет большие удобства» [5:78].

Именно последнее обстоятельство, несмотря на его очевидность, упускалось из виду полемистами, все еще рассуждавшими о предпочтительности той или иной графики для осетинской письменности в то время, когда уже существовал «Иронфандыр» Коста Хетагурова. По сути, вопрос давно уже стоял не о письменности, а о *правописании*.

Своим творчеством Коста Хетагуров в значительной мере окультурил осетинский язык: он выступил здесь как ученый-филолог, *практически* развивший осетинское языкознание Шегрена и Миллера. Не алгеброй гармония, а гармонией поверяется алгебра языковой грамматики; но также верно и то, что нельзя было бы требовать от всех современников Коста адекватного отношения к его, конечно, не поэзии как таковой, но синтаксису, грамматике и орфографии. Именно на этом основаны были резкие разногласия между Коста Хетагуровым и Гаппо Баевым, который, к сожалению, не смог увидеть в «Иронфандыр» формы настолько *естественные* и совершенные, что они были как бы произведением самого языка, результатом эстетического и грамматического языкового *саморазвития*. Конфликт между Коста и Г. Баевым (первым издателем «Осетинской лиры», возмущившим Коста, в момент выхода книги находившегося в ссылке в Херсоне, собственными редакторскими поправками его текстов) имеет ту же историко-идеологическую и лингвистическую базу, что противостояние, с одной стороны, архаистов и охранителей, с другой – арзамасско-декабристско-пушкинской линии; у Пушкина были Булгарин и Греч, у Коста, можно сказать, был Гаппо Баев. Это был первый случай идейно-эстетической борьбы в осетинской литературе: зарождение литературы – тоже победа, и как таковая, она всегда связана с *разрешением* серьезного идейно-эстетического противостояния.

«Иронфандыр» (и другие первые осетинские светские книги) вполне доказали действенность и функциональность осетинской кириллицы; резкий и убедительный тон претензий Коста к Баеву только подтверждал ее жизнеспособность на перспективу: «(...) я тебя неоднократно самым серьезным образом просил и предупреждал, – пишет Коста к своему оппоненту, – чтобы ты при издании моих стихов ни на йоту не отступал от рукописи, даже в орфографии... Стихотворение не газетная заметка, которую какой-нибудь трусливый и невежественный редактор может коверкать, как угодно его благоусмотрению. (...)тебя, извини меня, я никак не могу признать ни Пушкиным, ни Гротом осетинского языка...»[6:190-191]. В письме к Е. А. Цаликовой Коста подчеркивает свою главную мысль, относящуюся к этому конфликту: «*Правописание, которого я придерживаюсь, выработано мною долгим трудом на основании корней и*

производства осетинских слов. Правильность его я могу отстаивать перед каким угодно ученым обществом» [б:195].

С данным конфликтом связаны у Коста первые теоретические соображения о *литературном труде* и, в частности, осетинском *стихосложении*; они, помимо остального, позволяют объективно оценить литературную (относящуюся, впрочем, к РЯОЛ) ситуацию в Осетии на соответствующем этапе: «(...) *Я никогда, – писал он Г. Баеву, – своим словом не торговал, никогда ни за одну свою строку ни от кого не получал денег... И пишу я не для того, чтобы писать и печатать, потому что и многие другие это делают. – Нет! Ни лавры такого писания мне не нужны, ни выгоды от него... Я пишу то, что я уже не в силах бываю сдержать в своем изболевшем сердце...*»[б:191].

Однако не слишком, вероятно, спеша сдаваться, в 1900 году Г. Баев издает третью (вслед за «Афхардты Хасана» А.Кубалова и «Иронфандыр» К. Хетагурова) книгу осетинской литературы – литературно-художественный сборник «Галабу» («Бабочка»). В него, наряду со стихами А. Кубалова, Г. Цаголова, А. Кайтмазова и других осетинских авторов, вошли и произведения издателя. «Галабу» представляла собой, на взгляд Хетагурова, вполне случайное явление, не обоснованное достаточно ни духовно, ни литературно. Коста, отношение которого к литературному труду и печати ярко выражено в приведенных здесь цитатах, подверг издание Баева решительной и уничижительной критике, не делая никаких исключений даже для Г. Цаголова и А. Кубалова. «*В «Галабу», – пишет он, – (...) много детского лепета, и я очень удивляюсь Гаппо, как он, такой витиеватый присяжный поверенный (...) не имеет никакого понятия о простых технических требованиях стихосложения. Можно быть каким угодно бессодержательным декадентом, но стих должен быть сложен по правилам, выработанным веками... Я не говорю о рифме, - она имеет второстепенное значение, хотя и является главным техническим затруднением при разработке серьезной темы... У него же в «Галабу» ничего нет... даже сколько-нибудь сносно изложения на осетинском языке какой-нибудь осмысленной идеи... Печатать и распространять такую галиматью – это значит извращать... смысл и цели изящной литературы и вкусы жаждущих ее иронов(осетин – И.Х.) По-моему, лучше 100 лет не печатать ничего, чем распространять такую дребедень» [б:187].*

Разумеется, что собственно литературные заслуги Коста Хетагурова и Гаппо Баева не идут ни в какое сравнение, так же, как заслуги Пушкина и Булгарина. Но было бы несправедливо совершенно отказывать Баеву в позитивной роли его как деятеля осетинского просвещения и культуры на рубеже XIX и XX веков. Как городской голова Владикавказа с 1899 года он принимает самое активное участие в работе благотворительного «Общества по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области»

(1882-1919) и Осетинского издательского общества «Ир» (1897-1917) и является, как-никак, первым издателем светских книг на осетинском языке. Но именно как *городской голова* при царском правительстве, «представитель либеральной буржуазии, а после Октябрьской социалистической революции – белоэмигрант» [1:182], он был «репрессирован» советским осетинским литературоведением и культурологией; в частности, замалчивалось авторство его некоторых писем (к А. Гассиеву, В. Миллеру и др.), плохо согласующихся с представлением о нем как исключительно эпигоном «либерально-монархической» [1:184] и реакционной идеологии. Аналогичным образом обошлась с Гаппо и осетинская – в том числе *русскоязычная* – художественная литература (как, например, в романе Е. Уруймаговой «Навстречу жизни»), – уже постольку, поскольку *революционная* осетинская интеллигенция во главе с Коста требовала себе, опять-таки, яркой типизированной антитезы.

По нашему мнению, уже с легкой руки К. Хетагурова значительно пострадала память Гаппо Баева и его репутация в глазах потомков. То же относится и к его «Галабу», о которой если еще Х. Н. Ардасенов писал, что она, будучи «составлена из произведений бессодержательных и бесформенных», была «ниже всякой критики» [1:183], то уже Ш. Ф. Джикаев признает, что «в истории осетинской литературы он (сборник Баева. – И.Х.) никогда не подвергался научно-критическому анализу, всегда фигурируя с одним и тем же позорным клеймом» – именно виду «резко отрицательной оценки» К. Хетагурова – и называет появление книги «положительным явлением» [2:33-34].

Хоть и отчасти, но указанную роль хетагуровской критики можно отнести и к другим участникам злосчастного издания Г. Баева, в первую очередь, А. Кубалову и Г. Цаголова. Здесь необходимо указать основные точки их конфликтного соприкосновения с побеждающей – *хетагуровской* – линией в развитии осетинской идеологии и эстетики. Прежде всего, нам известно о скептическом отношении (и его причинах) Коста к поэме Кубалова «Афхардты Хасана». Также не устроили Хетагурова и его «задушевные лирические стихи» [2:34]; которым недоставало понимания *целей* поэзии: Кубалов-лирик в значительной мере оставался романтиком, оторванным от «грешной» земли. Георгий Цаголов, впоследствии видный поэт, писатель и публицист, тоже сполна испытал на себе резкую и подчас язвительную (в конце концов, благотворную) критику Хетагурова. Речь идет о литературных и общественно-экономических вопросах, поднятых Цаголовым в статье «Культурное движение среди осетин» (газ. «Северный Кавказ», 1900, № 11). Коста ответил Цаголову в статье «Избави бог и нас от таких судей» (газ. «Казбек», 1900, №№ 674, 675). Здесь налицо несколько полемических пунктов, но наиболее показательным вопросом, в котором Г. Цаголов и К. Хетагуров не нашли взаимопонимания, стал вопрос осетинской *поэтики, стихосложения*. Цаголов, возможно, несколько поспешил со своими заключениями

и формулировками, когда с *сожалением* констатировал, что автор сборника «Иронфандыр» пользовался *тоническим* стихосложением; но очевидно, что и раздосадованный общим тоном его статьей Коста несколько небрежно отнесся к контраргументации: «...с *полной достоверностью* могу сказать, что во всей книжке нет ни одной строки *тонического* сложения. Стихи написаны общеизвестными формами метрического стихосложения: ямб, хорей, анапест, амфибрахий и дактиль. Последние три формы г. Цаголов принял, вероятно, за *тонические*. «Избави бог и нас от таких судей» [7:174]. Метрика не обязательно исключает тонику, хотя теоретическая подоплека противоречия очевидна: оно проистекает из специфики осетинского ударения, характеризующегося высокой *подвижностью*, – как оно и представлено в произведениях устного народного творчества. В этом отношении Коста был и осетинским Ломоносовым: он показал на практике, что осетинскому языку органичен *силлабо-тонический* стих европейского образца.

В указанной выше статье Коста спорит с Цаголовым не только по поводу метрики и тоники; он решительно не согласен с оппонентом и в другом пункте, относящемся к проблемам развития осетинского *просвещения* и *интеллигенции*. Коста обвиняет Цаголова в неуместном «воскуривании фимиама» первым – религиозным – просветителем Осетии, которые на самом деле, по Коста, никогда ничем не *жертвовали*, но, напротив, получали хорошее жалование от «Общества восстановления православного христианства на Кавказе», «все были упитаны и по сравнению даже с богатыми осетинами катались, как сыр в масле. Где же их самопожертвование! – Переводы Евангелия, молитв и урывков церковных служб и треб? Труд большой, что и говорить...» [7:164]. Нельзя сказать, впрочем, что позиции Коста и Цаголова в этом вопросе полярны. В упоминавшейся выше статье 1889 года «О письменности и книжной литературе в Осетии» Цаголов сам выражал сомнения в культурной и языковой значимости первого «Катехизиса», который издал епископ Моздокский Гай со своими сподвижниками. Но утверждения Коста более категоричны: «...все эти драгоценные вклады в осетинскую письменность настолько неудачны, что при чтении их народная масса совершенно не понимает их смысла» [7:165]. Хетагуров делает исключение лишь для протоиерея Аксо Колиева.

Соответственно, он оспаривает мнение Цаголова о современном им поколении осетинской интеллигенции, которое «г-н Цаголов рекомендует как людей, для которых личное счастье выше всего» [7:165]. Коста решительно встает на защиту современной национальной интеллигенции Осетии, не доверяя социологическому анализу Цаголова. Заметим, что если сопоставлять точки зрения Хетагурова и Цаголова, то именно последний стоит на позициях, более имеющих основание идентифицироваться как *марксистские, революционные*. Коста не хочет актуализировать вопрос социально-политического

расслоения в «молодом» – и *младописьменном* – осетинском обществе, не хочет искусственно навязывать революционную идеологию формирующемуся государственному осетинскому сознанию, – протестует именно против подмены его ярко выраженным *классовым* сознанием. В письме к А. А. Цаликовой он пишет: «*Впечатление... от всех, затрагивающих туземные вопросы, его (Цаголова – И.Х.) писаний, самое отвратительное. Он меня давно ими возмущал, и я через Гаппо передавал ему, чтобы он лучше обдумывал и не играл на руку кое-кому...*» [6:321].

Очевидно, что, кого конкретно Коста не имел бы в виду под *кое-кем*, речь идет, в конце концов, о прозелитах новой идеологии, на которую тоже была *мода*, как на обличительную литературу. В этой связи нельзя не вспомнить реакцию И. Д. Канукова на изданную в 1896 году в Тифлисе брошюру с А. Г. Ардасенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа», в которой дан всесторонний анализ социальной, политической и хозяйственной жизни в регионе, но в которой – по Канукову – отсутствует *сердце*: «*Если верить Вам, – отвечает Кануков, – надо... осетин поголовно схватить и заселить ими... остров Чечень... На нас, как на интеллигентных, лежит нравственная обязанность и пред высшей администрацией – указывать на те неблагоприятные условия, которые тормозят жизнь горцев, и... давать администрации яснее ориентироваться и меньше подвергаться иногда весьма крупным ошибкам...*» [3]. Если в начале 70-х годов Кануков защищал образ горца от романтических посягательств русских классиков, то теперь, как мы видим, он вынужден защищать осетин от *самих себя* – от представителей осетинской *революционно* (и тоже по-своему романтически) настроенной интеллигенции. Вопрос отношения *интеллигенция – народ* ставится здесь в *нравственном* плане, и указание важнейших задач *национальной интеллигенции* малых периферийных народов России свободно от революционного наклонения.

В этом смысле спор Канукова с Ардасеновым и полемика Хетагурова с Цаголовым имеют много общего и, во всяком случае, стоят в одном ряду. Вероятно, сознавая, к чему может и должна привести подобная спекуляция ссылками на «мировое движение», Коста требует от печати и литературы *конструктивной* критики и истинного, а не «селекционного» патриотизма. Такое, логически выводимое из статьи заключение, конечно, явно противоречило стремлению ввести образ Коста в пантеон социалистической революции, ввиду чего содержание статьи «Избави бог...» никогда не рассматривалось объективно.

Чтобы подвести черту под рассмотренным материалом, вспомним и о резко критическом отношении Сека Гадиева к генерал-майору Муссе Кундухову. Ввиду просветительских идей в «Мемуарах» генерала трудно согласиться с трактовкой, при которой он называется *пастырем* только саркастически. Носочувствие Хетагурова (и, тем

более, Цаголова) в этом пункте Сека нашел. При всей неоднозначности этих полемических узлов они должны рассматриваться в контексте смены эпохальных настроений, связанных с идеологической борьбой дворянско-клерикальной (и военной) интеллигенции с разночинской, и с формирующейся революционно-пролетарской тенденцией.

Таким образом, и в дискуссиях вокруг прошлого и будущего осетинской национальной письменности и литературы отразился важнейший для культурной истории Осетии момент, о котором мы говорили выше: на рубеже XIX и XX веков осетинской литературой подводятся первые («промежуточные») итоги национального просвещения. Что этот момент совпадает с зарождением ОЛ, представляется вполне естественным, ибо наличие двух литературных и языковых ветвей на стволе осетинской культуры уже на уровне «литературного подсознания» требовало оценки и анализа, – и национальной интеллигенцией предпринимается первая серьезная попытка творческой самоидентификации. «Повестка дня» этой полемики еще долгое время – вплоть до революции 1917 года, положившей конец всякому *плюрализму*, – не будет исчерпана; забегаю вперед, отметим, что еще в 1909 году Георгий Малиев будет писать о *«разочаровании осетинского народа в своей так называемой интеллигенции»* [4].

Список литературы

1. Ардасенов Х. Н. Очерк развития осетинской литературы. (Дооктябрьский период). – Орджоникидзе, 1959.
2. Джикаев Ш. Ф. Осетинская литература. Краткий очерк. – Орджоникидзе, 1980.
3. Кануков И. Д. Сочинения. – Орджоникидзе, 1963. – С. 218-219.
4. Малиев Г. Письмо из Осетии // Терские ведомости. 13. 09. 1909.
5. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: в 6 т. / Сост. Л. А. Чибиров. – Цхинвал: Иристон; Владикавказ: Ир, 1981-2006. Т. 2.
6. Хетагуров К. Л. Полное собрание сочинений: в 5 т. – Владикавказ: СОИГСИ, 1999-2001. Т. 5. Письма.
7. Хетагуров К. Л. Полное собрание сочинений: в 5 т. – Владикавказ: СОИГСИ, 1999-2001. Т. 4. Публицистика.

Рецензенты:

Фидарова Рима Японовна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.

Парсиева Лариса Касбулатовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.